

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Морис
Леблан

ЗОЛОТОЙ
ТРЕУГОЛЬНИК

« А З Б У К А »

Арсен Люпен

Морис Леблан

Золотой треугольник

«Азбука»

1918

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леблан М.

Золотой треугольник / М. Леблан — «Азбука», 1918 — (Арсен Люпен)

ISBN 978-5-389-33548-6

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. «Полая игла» продолжает серию романов о Арсене Люпене – неуловимом грабителе, о подвигах которого трубят все газеты, таинственный персонаж, джентльмен с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных. Арсен Люпен – человек с тысячей обличей. Роман «Золотой треугольник» сопровождается иллюстрациями французских художников из первых оригинальных изданий.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-33548-6

© Леблан М., 1918
© Азбука, 1918

Содержание

Золотой треугольник	8
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Морис Леблан

Золотой треугольник

Maurice Leblanc
LE TRIANGLE D'OR

© Е. В. Морозова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

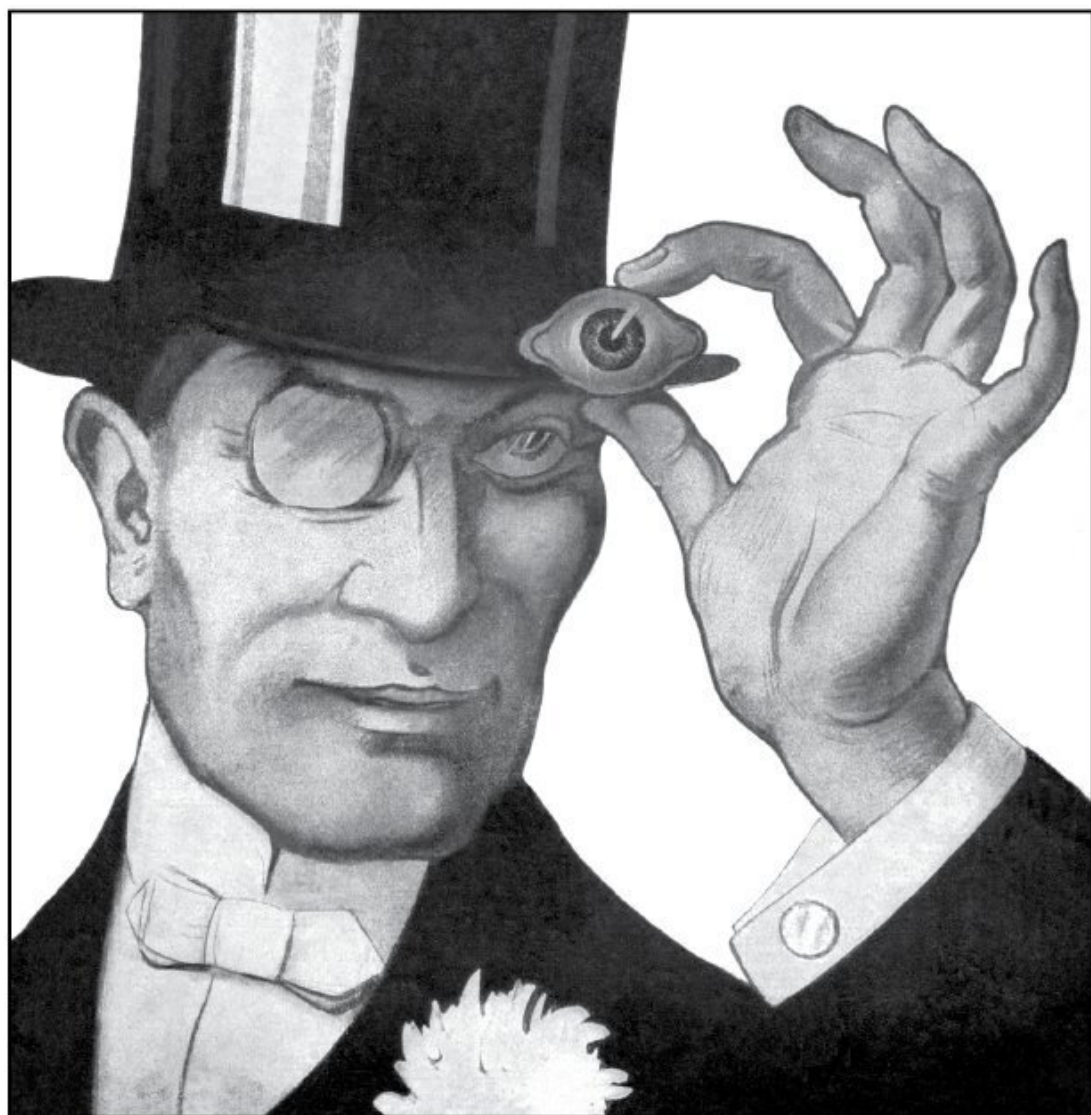
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Иностранка®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Золотой треугольник

Часть первая Сверкающий дождь

Глава первая Матушка Корали

Вечерние тени сгустились, когда часы еще не пробили половины шестого; двое солдат подошли к маленькому, обсаженному деревьями перекрестку, где напротив музея Гальера встречаются улицы Шайо и Пьера Шаррона.

Один военный был в серо-голубой шинели пехотинца; другой, сенегалец, в одежде из некрашеной шерсти: широких шароварах и приталенной куртке, в которые с начала войны обрядили зуавов и африканские войска. У одного была только одна нога – левая; у другого только одна рука – правая.

Они сделали круг по площади, в центре которой высилась симпатичная группа силенов, и остановились. Пехотинец выбросил недокурную сигарету. Сенегалец подобрал ее, быстро сделал несколько затяжек, сдавил между большим и указательным пальцем, чтобы потушить, и сунул себе в карман.

И все это не проронив ни слова.

Почти одновременно из улицы Гальера вышли еще двое солдат, однако к какому роду войск они принадлежали, сказать было сложно, так как их униформа состояла из разрозненных деталей гражданской одежды. Голову одного украшала феска зуава, а другого – кепи артиллериста. Первый шел на костылях, второй опирался на трости.

Эти двое остановились на краю тротуара возле киоска.

По улицам Пьера Шаррона, Бриньоль и Шайо подошли еще трое, каждый сам по себе: стрелок с искалеченной ногой, прихрамывающий сапер и морской пехотинец из колониальных войск с вывихнутым бедром. Двигаясь целенаправленно, они вышли на перекресток и заняли места под деревьями, прислонившись к стволам.

Они не обменялись ни единым словом. Ни один из семи инвалидов, казалось, не знал своих спутников; более того, похоже, его нисколько не занимало их присутствие, он их словно бы не видел.

Скрывшись за деревьями, за киоском и даже за скульптурами силенов, они стояли не шевелясь. Но редкие прохожие, что в этот вечер 3 октября 1915 года спешили через безлюдный перекресток, освещенный тусклыми фонарями, все же могли заметить их неподвижные силуэты.

Пробило половину шестого.

В этот момент дверь одного из домов, выходивших на площадь, отворилась. Из нее показался человек, закрыл ее за собой, пересек улицу Шайо и обошел эспланаду.

Это был офицер, одетый в хаки. Из-под его красного кепи с тремя полосками из золотого галуна виднелась широкая белая повязка, скрывавшая лоб и затылок. Он был высок и очень худ. Правая нога завершалась деревяшкой с резиновым кружком на конце, поэтому при ходьбе офицер опирался на трость.

Покинув площадь, он сошел на проезжую часть улицы Пьера Шаррона, остановился и внимательно огляделся по сторонам.

Тщательный осмотр местности привел его к одному из деревьев, окружавших эспланаду. Кончиком трости он легонько коснулся выпиравшего из-за ствола живота. Живот втянулся за дерево. Офицер пошел дальше.

На этот раз он решительно двинулся по улице Пьера Шаррона к центру Парижа, дошел до авеню Елисейских Полей и направился вверх по левой стороне.

Впереди, в двух сотнях шагов, высилось здание гостиницы, нынче, как извещал плакат, превращенной в госпиталь. Не дойдя до него нескольких метров, офицер остановился и, заняв такую позицию, чтобы выходящие из госпиталя не смогли его увидеть, принялся ждать.

Пробило три четверти седьмого... затем семь...

Миновало еще несколько минут.

Из госпиталя вышли пять человек. Затем еще двое. Наконец на пороге появилась сестра милосердия в широком голубом плаще с красным крестом.

– Вот она, – прошептал офицер.

Женщина выбрала тот же путь, которым пришел сюда офицер: дошла до улицы Пьера Шаррона и, следуя по правой стороне улицы, направилась к перекрестку с улицей Шайо.

Она шла легко, ровным, плавным шагом. Ветер, пытавшийся задержать ее, раздувал длинную голубую накидку, развевавшуюся вокруг ее плеч. Несмотря на ширину плаща, под ним угадывалось ритмичное движение бедер, присущее молодой походке.

Рассеянным шагом, помахивая тросточкой, словно он совершал вечернюю прогулку, офицер на расстоянии следовал за ней.

Сейчас в этой части улицы не было никого, кроме них двоих, только она и он.

Но когда сестра милосердия пересекла авеню Морсо и еще до того, как подоспел офицер, автомобиль, припаркованный у обочины, заурчал и покатиł в ту же сторону, куда направлялась женщина, не приближаясь к ней, но и не отставая.

Ничем необычным этот таксомотор не отличался. Но офицеру бросились в глаза две вещи: во-первых, в нем сидели двое мужчин, а во-вторых, один из них, чье перечеркнутое усами лицо с венчавшей его серой фетровой шляпой он сумел разглядеть, постоянно высывался из окна и переговаривался с шофером.

Тем временем сестра милосердия шла, не оглядываясь. Офицер перешел на другую сторону улицы и ускорил шаг: ему показалось, что чем ближе к перекрестку подходила женщина, тем быстрее ехал автомобиль.

С того места, где он находился, офицер мог одним взором окинуть маленькую площадь, но, сколь ни остро было его зрение, ему не удалось различить в потемках семерых инвалидов. Вокруг ни единого прохожего. Ни единого автомобиля. И только вдалеке, где тонули в полутьме скрещенные авеню, тишину нарушало дребезжание двух трамваев с зашторенными окнами.

Если предположить, что молодая женщина тоже всматривалась в уличный сумрак, то она вроде бы также не видела ничего, что могло бы ее обеспокоить. Во всяком случае, она не выказывала признаков волнения. Следовавший за ней автомобиль вряд ли ее встревожил, ибо она шла, не оглядываясь.

Авто тем временем нагоняло ее. На подступах к площади их разделяло уже не пятнадцать, а скорее десять метров. Когда же девушка, поглощенная собственными мыслями, дошла до первых деревьев, авто подъехало к ней еще ближе и, прижавшись к тротуару, покатило вплотную к нему, а со стороны улицы, иначе говоря – слева, один из двоих пассажиров, тот, кто часто выглядывал в окошко, открыл дверцу и встал на подножку.

Офицер снова быстро пересек проезжую часть. Он не опасался, что его заметят, поскольку люди в машине (по крайней мере, в тот момент) не интересовались ничем, кроме собственных маневров. Офицер поднес ко рту свисток. Без сомнения, ожидаемое событие должно было вот-вот произойти.

Действительно, автомобиль резко остановился.

Дверцы распахнулись, и оба мужчины выпрыгнули на тротуар.

Испуганный крик женщины прозвучал одновременно с пронзительным свистком офицера, раздавшимся, когда неизвестные, подскочив к девушке, схватили ее, словно два стервятника, и потащили к машине. В ту же минуту семеро солдат-инвалидов, казалось появившихся из самой гущи деревьев, их скрывавших, бросились на похитителей.

Схватка не заняла много времени. Собственно, схватки как таковой и не произошло. Шофер такси, увидев, что похитители столкнулись с сопротивлением, немедленно запустил двигатель и стремительно уехал. А оба мужчины, оказавшись перед угрожающе поднятыми палками и костылями и дулом наставленного офицером револьвера, поняли, что их замысел провалился, и, отпустив молодую женщину, бросились бежать в разные стороны. Петляя, чтобы в них неудобно было целиться, они затерялись в сумерках улицы Бриньоль.

– Беги за ними, Муабон¹, – командовал офицер однорукому сенегальцу, – и притащи мне кого-то из них за шиворот.

Поддерживая дрожащую женщину, которая, казалось, вот-вот потеряет сознание, он заботливо сказал:

– Не бойтесь ничего, матушка Корали, это я, капитан Бельваль... Патрис Бельваль.

– А, это вы, капитан, – прошептала она.

– Да, а это ваши друзья, собравшиеся, чтобы защитить вас. Все ваши бывшие раненые из госпиталя, которых я повстречал в доме для выздоравливающих.

– Спасибо... спасибо... – И добавила дрожащим голосом: – А другие? Те двое мужчин?

– Упорхнули. Муабон отправился за ними в погоню.

– Но что они от меня хотели? И каким чудом здесь очутились вы?

– Об этом позже, матушка Корали. А сейчас давайте поговорим о вас. Куда вас проводить?.. Хотя нет, пока вам никуда идти не следует, сначала вы должны немного отдохнуть и набраться сил.

С помощью одного из солдат он ласково повел ее к дому, из которого три четверти часа назад вышел сам. Молодая женщина повиновалась его воле.

Все вместе они вошли в квартиру в цокольном этаже. В гостиной жарко горел огонь в камине; офицер зажег электрические лампы.

– Садитесь, прошу вас.

Она опустилась на стул, и капитан распорядился:

– Ты, Пулар, иди в столовую и принеси оттуда стакан. А ты, Рибрак, поищи на кухне графин с водой... Шатлен, в буфетной ты найдешь графинчик с ромом... Хотя нет, она не пьет ром... Тогда...

¹ От *фр.* *Moi-Von* – я хороший, я верный, я молодец.

– Тогда, – с улыбкой произнесла она, – дайте мне просто воды.

К щекам ее, бледным от природы, прилила кровь. Губы порозовели, доверчивая улыбка оживила лицо.

Лицо это, исполненное кротости и очарования, отличали чистота форм, матовость кожи и поразительная изысканность черт, а также то простодушное выражение, какое бывает у ребенка, который, широко раскрыв глаза, с удивлением смотрит на окружающий его мир. Однако грациозность и деликатность образа сочетались с некоей энергичностью, придаваемой ему, вне всякого сомнения, блеском темных глаз и двумя черными прядями, выбившимися из-под белой косынки.

– Ах, – весело воскликнул капитан, когда она выпила стакан воды, – мне кажется, теперь вам уже лучше, матушка Корали?

– Гораздо лучше!

– Прекрасно! Но что за жуткие минуты мы недавно пережили! Какое приключение! Надо бы нам объясниться и во всем разобраться, не так ли? А пока, друзья, поздоровайтесь с матушкой Корали как подобает. Давайте же, мои храбрецы! Разве могли вы вообразить, когда она вас утешала, когда поудобнее взбивала подушку, чтобы ваша голова утопала в ней, так разве могли вы, говоря я, вообразить, что настанет час – и вам придется позаботиться о ней, детям придется ухаживать за матушкой?

Они толпились вокруг нее: однорукие, хромые, увечные – все были рады ее видеть. И она с чувством пожимала им руки.

– Как ваша нога, Рибрак?

– Она больше не болит, матушка Корали.

– А ваше плечо, Ватинель?

– Совсем не дает о себе знать, матушка Корали...

– А вы, Пулар? А вы, Жорис?

Эта встреча очень взволновала ее: ведь она называла их своими детьми.

– Ах, матушка Корали, вы плачете! – воскликнул Патрис Бельваль. – Матушка, матушка, вот почему вам принадлежат наши сердца. Сжимая зубы на ложе страданий, чтобы не кричать от боли, мы видели, как из ваших глаз потоком лились слезы. Матушка Корали плакала о своих детях. И мы стойко терпели все муки.

– А я плакала еще горше оттого, – сказала она, – что вы боялись причинить боль мне.

– Однако сегодня вы снова плачете. Ах нет, довольно нежностей! Вы нас любите. Мы вас любим. Жаловаться не на что. Давайте же, матушка Корали, улыбнитесь... Смотрите-ка, сюда идет Муабон, а Муабон всегда смеется.

Она резко встала:

– Как вы думаете, сумел он догнать кого-нибудь из этих двоих?

– Конечно, иначе и быть не может! Я велел ему приволочь одного из них за шиворот. И он непременно приволочет. Боюсь только, как бы...

Все вышли в вестибюль. Сенегалец уже поднимался по ступеням. В своей единственной руке он нес перед собой человека, в настоящий момент более всего напоминавшего безвольную марионетку.

– Оставь его, – приказал капитан.

Муабон разжал пальцы. Человек рухнул на плиточный пол вестибюля.

– Вот этого-то я и боялся, – пробормотал офицер. – У Муабона всего одна рука, но хватка у нее такая, что спастись от нее можно лишь чудом. Боши об этом кое-что знают.

Муабону – черному колоссу с блестящей, словно кусок антрацита, кожей, курчавой головой и несколькими завитками на подбородке, с пустым рукавом, закрепленным на левом плече, и двумя украшавшими доломан медалями – война оставила одну щеку, половину челюсти, половину рта и раздробленное взрывом снаряда небо. Другую половину его лица ото рта до уха рассекала вечная улыбка, вызывавшая удивление прежде всего потому, что изуродованная часть лица, кое-как заштопанная и прикрытая лоскутом пересаженной кожи, не улыбалась никогда.

Ко всему прочему Муабон утратил дар речи. Самое большее, что он мог произнести, походило скорее на невнятное ворчанье, в котором слышалось только многократное повторение его прозвища – Муабон.

Вот и сейчас негр с довольным видом издал несколько звуков, поглядывая то на хозяина, то на жертву, словно воспитанный охотничий пес, гордящийся принесенной им дичью.

– Хорошо, – похвалил его офицер, – однако в следующий раз будь немного помягче.

Склонившись над лежащим на полу человеком, он убедился, что тот всего лишь потерял сознание, и повернулся к сестре милосердия:

– Вы его знаете?

– Нет, – без промедления ответила матушка Корали.

– Вы уверены? Уверены, что никогда и нигде не видели этого типа?

«Типа» отличали чрезмерно большая голова, черные напояженные волосы и седеющие усы. Отличного покроя костюм цвета глубокого ультрамарина свидетельствовал о состоятельности незнакомца.

– Никогда... никогда... – повторила молодая женщина.

Капитан порылся у типа в карманах. Никаких бумаг.

– Хорошо, – промолвил он, – дождемся, пока он очнется, и допросим его. Муабон, свяжи ему руки и ноги и оставайся здесь, в вестибюле. А вам, товарищи, пора возвращаться в дом для выздоравливающих. У меня ключ есть. Прощайтесь с матушкой и рысью отсюда.

Когда церемония прощания завершилась, он выставил приятелей за дверь, вернулся к молодой женщине и отвел ее в гостиную.

– А теперь, матушка Корали, давайте поговорим, – предложил он. – И для начала выслушайте меня. Я буду краток.

Они сидели перед камином, где весело горел огонь, рассыпая сверкающие искры. Патрис Бельваль подложил под ноги матушки Корали подушку, выключил электрическое освещение, которое, похоже, ее смущало, и, убедившись наконец, что матушка Корали устроена со всеми удобствами, начал свой рассказ:

– Как вам известно, неделю назад меня выписали из госпиталя, и сейчас я живу на бульваре Майо, в Нейи, в доме для выздоравливающих, где каждое утро мне делают перевязку и куда я каждый вечер возвращаюсь к себе в комнату. В остальное время я брожу по улицам, завтракаю и обедаю, где придется, навещаю старых друзей. Вот и сегодня утром я ждал одного из них в зале большого кафе-ресторана на бульваре и случайно подслушал конец разговора... Надо сказать, зал там разделен пополам перегородкой высотой в человеческий рост; с одной стороны располагаются посетители кафе, а с другой клиенты ресторана. Я сидел один, на стойке ресторана, а двое посетителей – в кафе, да еще спиной ко мне, так что я никак не мог их видеть. Они полагали, что никто их не слышит, а потому говорили довольно громко, так что я кое-что услышал... и даже занес к себе в записную книжку.

Вытащив книжку из кармана, он продолжил:

– Фразы, привлечшие мое внимание по причинам, которые вы сейчас поймете, являлись продолжением разговора, где речь шла об исках, о сверкающем дожде, дважды пролившемся перед войной; этот своеобразный ночной сигнал мог повториться вновь, и его следовало не пропустить, чтобы начать действовать как можно скорее. Эти речи ни о чем вам не говорят?

– Нет... А почему вы спрашиваете?

– Сейчас поймете. А, забыл сказать: оба собеседника говорили по-английски, причем совершенно правильно, однако интонации их позволяют утверждать, что ни один, ни другой англичанами не были. Вот их слова в точном переводе.

«– Итак, подведем итог, – произнес один из них. – Все улажено, и сегодня вечером, около семи часов, вы с ним придете в указанное место.

– Мы там будем, полковник. Автомобиль будет ждать нас.

– Отлично. Напоминаю вам, что малышка выходит из госпиталя в семь.

– Не волнуйтесь. Ошибки быть не может, она всегда возвращается одной и той же дорогой, по улице Пьера Шаррона.

– У вас есть четкий план?

– Расписан как по нотам. Все случится на площади, куда выходит улица Шайо. Даже если предположить, что рядом окажется несколько прохожих, у них не хватит времени помочь даме, – так быстро мы намерены действовать.

– Вы уверены в вашем шофере?

– Уверен, мы платим ему столько, что он не может нас подвести.

– Отлично. Буду ждать вас в оговоренном месте в автомобиле. Вы передадите мне малышку. И тогда мы станем хозяевами положения.

– Признаюсь, полковник, эту крошку невзрачной не назовешь, она чертовски мила.

– Чертовски. Я давно за ней наблюдаю, однако мне ни разу не удалось ей представиться...

Так что, пользуясь случаем, я очень рассчитываю исправить это упущение...»

И полковник добавил: «Возможно, будут слезы, крики, заламывание рук... Тем лучше! Обожаю, когда мне оказывают сопротивление... если, разумеется, я сильнее».

И он грубо расхохотался. Другой последовал его примеру. Так как они уже расплатились, я незамедлительно встал и направился к выходу на бульвар, но из этой двери появился только один из них: мужчина с густыми усами в форме подковы и в серой фетровой шляпе. Другой собеседник вышел на улицу, перпендикулярную бульвару. В ту минуту на проезжей части оказался всего один таксомотор, в который мужчина и запрыгнул, так что мне пришлось откататься от преследования. Однако же... однако же... я знал, что каждый вечер вы выходите из госпиталя в семь и идете по улице Пьера Шаррона, вот я и подумал...

Капитан умолк. Молодая женщина о чем-то размышляла.

– Почему вы меня не предупредили? – наконец спросила она.

– Предупредить вас? – воскликнул он. – А если бы оказалось, что речь шла о ком-то другом? К чему вам лишние волнения? Ну а если, напротив, они говорили именно о вас, то предостережение не было бы полезным. Ведь в случае неудачи ваши враги снова подстроили бы вам ловушку, и, не зная о ней, мы не смогли бы обезвредить ее. Нет, лучше вступить в борьбу. Я собрал команду из ваших бывших пациентов, которых уже перевели в дом для выздоравливающих, а так как друг, которого я ждал, живет здесь, на этой площади, я на всякий случай попросил его предоставить свою квартиру в мое распоряжение с шести часов и до девяти. Вот что я сделал, матушка Корали. И теперь, когда вы знаете столько же, сколько я, скажите, что вы об этом думаете?

Она протянула ему руку:

– Думаю, что вы спасли меня от опасности, неведомой, но грозной, и я благодарна вам за это.

– Нет-нет, – воскликнул он, – не благодарите меня. Я так рад, что мне это удалось! И просто хочу услышать ваше мнение об этом деле.

Ни секунды не колеблясь, она решительно ответила:

– У меня его нет. Ни единое слово, ни единый поступок из того, что вы мне рассказали, не пробуждает во мне идей, способных прояснить ситуацию.

– Вы не знаете, кто ваши враги?

– Нет.

– А человек, которому двое нападавших должны были вас передать и который претендует на то, что знает вас?

Слегка покраснев, она ответила:

– Но ведь каждая женщина встречает в своей жизни мужчин, которые преследуют ее более или менее открыто, разве нет? Так что сказать, кто это, я не могу.

Довольно долго капитан молчал, а потом проговорил:

– Значит, нам остается только надеяться на разъяснения, которые мы получим при допросе нашего пленника. Если он откажется отвечать... что ж, тем хуже для него... Я сдам его полиции, и пусть она разбирается с этим делом.

– Полиции? – с дрожью в голосе спросила молодая женщина.

– Разумеется. Что еще я могу сделать с этим типом? Он не имеет ко мне никакого отношения и, следовательно, принадлежит полиции.

– Нет-нет! – живо воскликнула она. – Ни за что на свете! Они начнут копаться в моей жизни!.. Начнется следствие... мое имя будет замешано в историю...

– Но, матушка Корали, я не могу...

– Ах, прошу вас, умоляю, друг мой, найдите способ оградить меня от этого! Я не хочу, чтобы обо мне говорили!

С изумлением наблюдая за тем, в какое сильное возбуждение пришла молодая женщина, капитан произнес:

– Хорошо, матушка Корали, мы не станем вас упоминать, обещаю вам.

– А как вы поступите с этим человеком?

– Бог ты мой, – усмехнулся капитан, – да очень просто. Для начала я почтительно попрошу его ответить на мои вопросы, а потом поблагодарю за оказанную вам любезность и предложу удалиться. – Бельваль встал. – Хотите взглянуть на него, матушка Корали?

– Нет, – ответила она. – Я устала! Если я вам больше не нужна, допрашивайте его сами. А потом все мне расскажете...

Она выглядела совершенно измученной: новые волнения и новая усталость, внезапно на нее навалившиеся, прибавились к повседневным тяготам жизни сестры милосердия. Капитан не стал настаивать и вышел, закрыв за собой дверь гостиной.

Она услышала, как он обратился к Муабону:

– Ну как, Муабон, ты хорошо стоял в карауле? Ничего нового? А твой пленник? Ну что, очнулись, товарищ? Начали дышать? Да уж, рука у Муабона не слабая... А? Что? Вы не отвечаете... Черт, да что ж это с ним? Он не шевелится... Дьяволышка, он же...

И он не удержался от вскрика. Молодая женщина бросилась в вестибюль и столкнулась с капитаном, преградившим ей путь.

– Не ходите туда, – взволнованно произнес он. – Вам это ни к чему.

– Но вы ранены! – воскликнула она.

– Я?

– На вас кровь, вот, на рукаве.

– Действительно... Но это ничего, это кровь того человека, я всего лишь запачкался.

– Так он ранен?

– Да, по крайней мере, изо рта у него текла кровь. Какие-то сосуды лопнули...

– Но как же это? Неужели Муабон так сильно сдавил его...

– Это не Муабон.

– А кто тогда?

– Сообщники.

– Значит, они вернулись?

– Да, и задушили его.

– Задушили?! Нет, это невозможно, давайте проверим.

Ей удалось проскользнуть мимо капитана и подбежать к пленнику. Он не шевелился. Лицо его побелело, как и положено у мертвецов, а шею обвивал тонкий красный шнурок сложного плетения, с кольцом на каждом конце.

Глава вторая

Правая рука и левая нога

– Одним мошенником меньше, матушка Корали, – заявил Патрис Бельваль; он успел уже коротко расспросить Муабона и отвести молодую женщину в гостиную. – У него на часах выгравировано имя «Мустафа Ровалайофф», наверняка так этого мерзавца и звали. Оно вам ни о чем не говорит?

Он был бодр, и голос его звучал весело, без малейшего волнения; обращаясь к молодой женщине, он одновременно расхаживал взад и вперед по комнате.

– Матушка Корали, мы с вами видели столько горя, видели смерть столько славных людей. Так неужто мы станем оплакивать смерть Мустафы Ровалайоффа, убитого его же сообщниками? И разумеется, обойдется без надгробных речей. Муабон взял его подмышку и, пользуясь тем, что площадь пуста, оттащил на улицу Бриньоль, где и перебросил через решетку, в сад музея Гальера. Решетка высокая. Но правой руке Муабона это нипочем. Итак, матушка Корали, дело похоронено. Никто о вас не вспомнит, а потому я требую благодарности. – И добавил со смехом: – Благодарности, но не похвалы. Черт возьми, плохой же из меня тюремный сторож! До чего ловко эти субъекты, можно сказать, стащили пленника у меня из-под носа! Как я не догадался, что второй нападавший, человек в серой шляпе, отправится предупредить третьего сообщника, ожидавшего их в автомобиле, и они оба явятся на помощь своему компаньону? Вот они и явились. И пока мы с вами разговаривали, они взломали дверь черного хода, прошли через кухню, оказались возле узкой двери, отделяющей буфетную от вестибюля, и, приоткрыв ее, увидели на диванчике своего приятеля, крепко связанного и по-прежнему без чувств. Что делать? Вытащить его из вестибюля, не потревожив Муабона, невозможно. Но ведь, очнувшись, он заговорит и выдаст сообщников, тем самым помешав исполнить тщательно продуманный план. Итак? Итак, один из них осторожно протягивает руку, обматывает шнурком уже и без того порядком помятую Муабоном шею, заводит с двух сторон кольца и сжимает, сжимает медленно, спокойно, сжимает до тех пор, пока не наступает смерть. Никакого шума. Ни единого вскрика. Все сделано в полной тишине. Пришли, убили и ушли, пожелав всем нам доброго вечера. Дело сделано, сотоварищ ничего уже не скажет.

Казалось, нападение на пленника развеселило капитана.

– Сотоварищ ничего уже не скажет, – повторил он, – а служители правосудия, которые завтра утром найдут в саду за оградой труп, не поймут, в чем дело. Более того, матушка Корали, и мы тоже никогда не узнаем, почему эти люди хотели вас похитить. И получается, что если из меня плохой тюремный сторож, то полицейский так и вовсе никудышный.

Он продолжал расхаживать из конца в конец комнаты. Отсутствие ноги, а точнее, голени тому вроде бы совсем не препятствовало. Коленный сустав сохранил свою гибкость, так что при каждом шаге наблюдалась всего-навсего определенная дисгармония движений бедер и плеч. Однако высокий рост капитана скрадывал этот недостаток, а непринужденность походки и легкость, с которой он мирился со своим изъяном, делали его почти незаметным.

Решительное и открытое выражение смуглого, опаленного солнцем и закаленного ненастьями лица вполне соответствовало жизнерадостному и насмешливому характеру. Капитану Бельвалю было лет двадцать восемь-тридцать. Своими манерами он немного напоминал тех офицеров Первой Империи², на которых жизнь в военных лагерях накладывала совершенно особенный отпечаток, выделявший их и в салонах, и в дамском обществе.

Остановившись, чтобы полюбоваться Корали, чей профиль вырисовывался на фоне отблесков пламени, он вернулся, сел рядом и ласково обратился к ней:

² Первая Империя (1804–1815) – эпоха Империи Наполеона Бонапарта.

– Я ничего о вас не знаю. В госпитале сестры милосердия и доктора зовут вас мадам Корали. Ваши раненные называют вас матушкой. Как ваше настоящее имя, ваша девичья фамилия? Вы замужем или вдовствуете? Где вы живете? Никто не знает. Каждый день вы приходите в один и тот же час и уходите по одной и той же улице. Иногда вас провожает или встречает старый слуга с длинными седыми волосами и кустистой бородой, закутанный в шарф и в очках с желтыми стеклами. Иногда он ждет вас в крытом дворике, всякий раз восседая на одном и том же стуле. К нему неоднократно обращались с вопросами, но он никому не отвечает.

Следовательно, я ничего о вас не знаю, кроме того, что вы удивительно добры и милосердны, а еще – ведь мне позволено так говорить? – необыкновенно красивы. И может быть, именно поэтому, матушка Корали, жизнь ваша кажется мне таинственной и исполненной печали, да-да, печали! Похоже, вас не покидают горе и тревога. Вы выглядите такой одинокой! Вот я и подумал... я уже давно об этом думаю и только ждал случая, чтобы сказать вам... я подумал, что вам непременно нужен друг... брат... на которого можно положиться и который сумеет вас защитить. Или я ошибся, матушка Корали?

По мере того как он говорил, лицо молодой женщины принимало все более отчужденное выражение, словно она хотела увеличить разделявшее их расстояние, словно не желала, чтобы он проник в ее секреты.

– Да, вы ошиблись. В моей жизни все просто, и меня не нужно защищать.

– Не нужно защищать?! – с нарастающим волнением воскликнул он. – А откуда тогда взялись мужчины, пытавшиеся вас похитить? Что за заговор против вас они замыслили? Заговор, разоблачения которого они так боятся, что пошли даже на убийство сообщника, которого нам удалось поймать? Что все это, если не заговор? Разве я ошибаюсь, утверждая, что вам грозит опасность? Что у вас есть враги, готовые на любую низость? Что вас надо защищать от их козней? Ведь если вы не примете моей помощи... тогда... тогда...

Она продолжала хранить молчание, а выражение ее лица становилось все более отстраненным, почти враждебным.

Ударив кулаком по мраморной каминной полке, офицер склонился к молодой женщине.

– Короче говоря, – произнес он, добавив своему голосу решительности, – если вы не примете мою помощь, мне придется навязать ее вам.

Она покачала головой.

– Да, именно навязать, – упрямо повторил он. – Это мой долг и мое право.

– Нет, – вполголоса ответила она.

– Мое неоспоримое право, – продолжил капитан Бельваль, – основанное на причине, что превосходит все остальные и даже меня избавляет от необходимости советоваться с вами, матушка Корали.

– И что это за причина? – спросила молодая женщина, взглянув на него.

– Дело в том, что я люблю вас.

Он произнес эти слова четко, не так, как произносит робкий влюбленный, а как человек, гордящийся своим чувством и с радостью о нем заявляющий.

Покраснев, она опустила глаза, а он ликующе воскликнул:

– Разве я не вправе говорить это? Никаких пламенных речей, никаких вздохов, никаких воздетых рук или молитвенно сложенных ладоней. Нет, всего три коротких слова, которые обращаю я к вам, не опускаясь на колени. И мне легко произнести их, потому что вы знаете об этом. Да, матушка Корали, можете сколько угодно принимать суровый вид, но вы прекрасно знаете, что я люблю вас, и знаете это так же давно, как знаю я. Мы вместе следили за зарождением этого чувства, когда ваши маленькие обожаемые ручки касались моей окровавленной головы. Другие руки лишь мучили меня, а ваши несли ласку, и ваш взгляд был полон нежности и сострадания. А каким облегчением для меня было видеть ваши слезы, вызванные моими страданиями! Ну скажите, разве можно не влюбиться в вас?! Вот и ваши семеро раненных,

которые только что ушли отсюда, влюблены в вас, матушка Корали. И Муабон обожает вас. Но они простые солдаты. Они молчат. А я капитан. И я заявляю о своей любви без смущения, с высоко поднятой головой, и вы не должны сомневаться во мне.

Приложив ладони к пылающим щекам, молодая женщина еще ниже склонила голову, но не промолвила ни слова. А он между тем продолжал звонким голосом:

– Вы понимаете, что я имею в виду, говоря, что я без смущения и с высоко поднятой головой заявляю о своем чувстве? Понимаете, ведь правда? Если бы я сделался таким, как сейчас, сделался калекой, еще до войны, то я не был бы столь в себе уверен и, признаваясь вам в любви, непременно спрашивал бы еще и прощения за свою дерзость. Но нынче... Ах, поверьте, матушка Кароли, здесь, перед вами, перед женщиной, которую я страстно люблю, я забываю о своем увечье. И ни на миг не думаю о том, что могу показаться вам смешным или самонадеянным.

Он остановился, чтобы перевести дух, а потом заговорил снова:

– Надо, чтобы все знали, что инвалиды этой войны не считают себя ни париями, ни неудачниками, ни обиженными, – нет, они чувствуют себя совершенно нормальными людьми. Не хватает ноги? И что? Разве от этого у них пропали ум или сердце? Разве потому, что война забрала у меня ногу... или руку, да даже две ноги или две руки... я не имею права любить, опасаясь получить отказ либо жалость вместо любви? Жалость? Но мы не хотим, чтобы нас жалели, не хотим, чтобы нас любили через силу, чтобы считали себя милосердными только потому, что не желают нас обидеть. От женщины, равно как и от общества, от каждого прохожего, встреченного нами, от всего мира, частью которого мы являемся, мы требуем полного равенства с теми, кого счастливая звезда или трусость избавили от получения увечий.

Капитан снова ударил кулаком по каминной полке.

– Да, полного равенства! Хромые, безрукие, кривые, слепые, искалеченные, изуродованные – все мы заявляем, что и физически, и морально мы такие же, как остальные, а может, даже и лучше их. Неужели тот, кто первым устремился в атаку и в результате лишился ноги, должен оказаться выкинутым из жизни теми, кто грелся в теплых кабинетах? Ну уж нет! Нам нужно такое же место, как и остальным. И поверьте, мы сумеем получить свое и сумеем его удержать. Нет такого счастья, на какое мы не имеем права, и нет такого дела, с которым бы мы не справились после упорных упражнений и тренировок. Правая рука Муабона стоит всех пар рук всего мира, а левая нога капитана Бельваля способна, если потребуется, пройти за час целых два лье.

Он рассмеялся:

– Правая рука и левая нога... левая нога и правая рука... Какая разница, что у нас осталось, если мы можем этим пользоваться? В чем мы сделали ущербны? Если говорить о получении какой-либо должности или о продолжении рода, то разве мы не такие, какими были прежде? Возможно, мы стали даже лучше. Я совершенно уверен, что дети, которых мы подарим родине, будут прекрасно сложены, у них будут и руки, и ноги, и все остальное... а еще мы наградим наших славных наследников пылкими сердцами. Мы не согласны с тем, что наши деревяшки мешают нам идти вперед, что в этой жизни мы не устоим на наших костылях так же твердо, как стоят на ногах из плоти и костей. Мы не считаем, что посвятить себя нам означает принести себя в жертву и что надо кричать о героизме девушки, которая, мол, оказала честь слепому солдату, когда вышла за него замуж!

Повторяю, мы не какие-то отщепенцы! Мы не ощущаем себя обделенными, и в этом, повторюсь, заключается истина, перед которой мир должен склоняться еще на протяжении двух или трех поколений. Вы же понимаете, что в такой стране, как Франция, где инвалидов будут сотни тысяч, понятие о человеческой полноценности изменится и в конечном счете грядущие поколения станут воспринимать людей с двумя руками и одной рукой точно так же, как брюнетов и блондинов, бородачей и безбородых? И в этом не будет ничего поразитель-

ного. Каждый станет жить той жизнью, которая ему по нраву, не страдая оттого, что он лишен конечности. А так как вся моя жизнь – это вы, матушка Корали, и мое счастье зависит только от вас, я не мог дольше ждать, чтобы произнести свою маленькую речь. Уф! Это все. Я мог бы еще много чего сказать, но не стоит, пожалуй, говорить все в один день...

Тем не менее поведение молодой женщины его смущало, и он умолк.

Все то время, что он говорил о своей любви, женщина сидела не шелохнувшись. Ладони ее, скользнув по щекам, переместились на лоб, заслонив глаза. Легкая дрожь сотрясала ее плечи. Капитан наклонился и с бесконечной нежностью отстранил ее хрупкие пальцы, открыв очаровательное лицо.

– Почему ты плачешь, матушка Корали?

Обращение на «ты» несколько не смутило ее. Между мужчиной и женщиной, исцелявшей его раны, устанавливаются совершенно особые отношения, тем более что капитан Бельваль всегда был склонен к непринужденной, хотя и почтительной, манере общения, в которой не было ничего оскорбительного.

– Неужели это я – причина ваших слез? – спросил он.

– Нет, – тихо ответила она, – это ваша живость и желание не покоряться судьбе, а гордо встать перед ней во весь рост. Самый неприметный из вас без труда преодолевает свою натуру, и я не знаю ничего более прекрасного, более волнующего, чем такая решимость!

Он сел рядом с ней:

– Так вы на меня не сердитесь за то, что... что я сказал?

– Сердиться на вас? – отвечала она, нарочно делая вид, будто не понимает истинного смысла вопроса. – Да все женщины согласятся с вами! Если нежности придется делать выбор между теми, кто вернется с войны, я уверена, что из всех она выберет самых пострадавших.

Он покачал головой:

– Но я прошу об ином, нежели нежность, и настаиваю на более точном ответе на некоторые свои слова. Должен ли я вам их напомнить?

– Нет.

– Тогда ответ...

– Ответ, друг мой, заключается в том, что вы больше никогда не скажете мне эти слова.

– Так вы мне запрещаете? – церемонно спросил он.

– Да, запрещаю!

– Что ж, в таком случае я клянусь молчать... до следующей нашей встречи...

– Мы с вами больше не встретимся, – прошептала она.

Подобное заявление очень развеселило капитана Бельваля.

– О! Однако! И отчего же так, матушка Корали?

– Потому что я этого не хочу.

– Но в чем причина вашего нежелания?

– Причина?..

Она посмотрела на него и проговорила медленно:

– Я замужем.

Ее слова, похоже, не обескуражили капитана, и он самым что ни на есть спокойным тоном произнес:

– Значит, выйдете замуж второй раз. Без сомнения, ваш муж старик и вы его не любите. Поэтому он прекрасно поймет, что если вы любимы...

– Не шутите, друг мой...

И она встала, собираясь уходить, но капитан стремительно схватил ее за руку.

– Вы правы, матушка Корали, и я прошу прощения за то, что столь легкомысленным тоном говорил о совершенно серьезных вещах. Речь идет о моей жизни... и о вашей. Я глубоко убежден, что они устремлены навстречу друг другу и что ваша воля не сможет этому воспре-

пятствовать, и потому ваш ответ не имеет смысла. Я ничего у вас не прошу. Я просто жду решения судьбы. А она соединит нас.

– Нет, – ответила она.

– Да, – убежденно произнес он, – так и будет.

– Нет, не будет. Так быть не должно. И вы сейчас же дадите обещание не пытаться ни увидеть меня, ни узнать мое имя. Я могла бы довериться вашей дружбе, но признание, сделанное вами, отдаляет нас друг от друга. Я никого не хочу впускать в свою жизнь... никого.

Взволнованная собственными словами, она попробовала высвободить руку из сжимавшей ее руки капитана.

– Но это неправильно! – воскликнул Патрис Бельваль. – Прошу вас, одумайтесь!..

Она оттолкнула его. И тут произошел совершенно ничтожный, однако судьбоносный случай. От резкого движения молодой женщины с каминной полки на пол упала ее сумочка. Плохо застегнутая, она раскрылась, и оттуда на ковер выпало несколько вещей, которые женщина тотчас принялась подбирать. Патрис Бельваль сразу пришел ей на помощь.

– Держите, – произнес он, – вот еще какая-то штучка.

Это была шкатулочка, маленькая, сплетенная из соломы шкатулочка, и из нее после удара о пол выпали четки – низка бусин.

Оба стояли молча. Капитан рассматривал четки.

– Странное совпадение, – наконец тихо проговорил он. – Аметистовые капли... старинная оправа с золотой филигранью... Удивительно встретить ту же самую работу и тот же камень...

Вдруг он так сильно вздрогнул, что молодая женщина спросила:

– Что с вами?

Он держал половинку бусины, большей, чем остальные, и соединявшей кольцо декад с короткой цепочкой молитв. Бусина была расколота посередине, почти вровень с золотой оправой, напоминавшей когти.

– Совпадение, – произнес он, – но столь непостижимое, что я даже не осмеливаюсь... Впрочем, я мог бы это проверить прямо сейчас... Но сначала скажите: кто вам дал эти четки?

– Никто мне их не давал, – ответила она. – Они были у меня всегда.

– Однако до вас же они кому-нибудь принадлежали?

– Конечно, это четки моей матери.

– Значит, они перешли к вам от матери?

– Да, верно, как, впрочем, и все прочие драгоценности, которые после нее остались.

– Так вы лишились матери?

– Да. Она умерла, когда мне было четыре года. У меня сохранились о ней лишь смутные воспоминания. Но почему вы меня об этом спрашиваете, причем в связи с четками?

– Мой вопрос, – проговорил он, – касается вот этой большой аметистовой бусины, расколовшейся пополам...

Расстегнув свою венгерку, он достал из жилетного кармана часы, к которым посредством тонкого кожаного шнурка с серебряными вставками были прикреплены несколько брелоков.

Один из этих брелоков представлял собой половинку аметистового шарика, также оправленного в филигранные зажимы в форме когтей. По величине обе половинки казались одинаковыми. Аметисты были одного цвета и вставлены в одинаковые оправы.

Молодые люди тревожно переглянулись.

– Это просто случайность, всего лишь случайность, – запинаясь, проговорила молодая женщина.

– Разумеется, – ответил он, – но предположим, что обе половинки прекрасно подходят друг к другу...

– Это невозможно, – испуганно произнесла она, словно ее страшила сама мысль о том, что такую догадку очень просто проверить и немедленно получить бесспорное доказательство.

И офицер решил это сделать. Его правая рука, державшая четки, и левая, сжимавшая брелок, сблизилась. Соединяя половинки, руки слегка дрожали... но наконец замерли. Встреча состоялась.

Неровности скола в точности совпадали. Рельефы нашли свое продолжение. Две половинки аметиста были двумя половинками одной и той же бусины, и теперь они образовали единый шарик.

Воцарилось долгое молчание, исполненное тревоги и таинственности. Тихим голосом капитан Бельваль произнес:

– Я тоже толком не знаю, откуда взялся этот брелок. Я помню его с самого детства, он всегда лежал в картонной коробке, где хранились разные недорогие безделушки: ключи от часов, старые кольца, стершиеся печатки; среди них года два или три назад я и выбрал эти брелоки. Откуда туда попала эта половинка? Не знаю. Зато знаю...

Он разъял шарик на части и, внимательно осмотрев каждую, заключил:

– Да, знаю без сомнения. Когда-то четки упали и самый крупный шарик раскололся; обе половинки подобрали, и одна снова заняла место в четках, а другая, вместе с оправой, оказалась в этом брелоке. Итак, мы с вами являемся обладателями двух половинок единой вещицы, которая лет двадцать назад принадлежала кому-то одному.

Приблизившись к молодой женщине, он по-прежнему негромко, но уже совершенно серьезно сказал:

– Только что вы усомнились в моих словах, когда я говорил, что верю в судьбу и убежден, что события сами приведут нас друг к другу. Неужели вы все еще это отрицаете? Ведь речь идет либо о случайности, но такой поразительной, что мы не вправе в нее поверить, либо о реальном факте, который свидетельствует о том, что в прошлом две наши жизни каким-то таинственным образом уже пересекались, а в будущем они сойдутся, чтобы уже никогда не расставаться. Вот почему, не дожидаясь этого будущего, возможно довольно далекого, я предлагаю вам сегодня, когда вам грозит опасность, свою поддержку и свою дружбу. Заметьте, я говорю не о любви, а лишь о дружбе. Вы ее принимаете?

Женщина была настолько озадачена и встревожена таинственным совпадением двух половинок аметиста, что, казалось, не слышала слов капитана.

– Так вы принимаете мою дружбу? – повторил он.

– Нет, – помолчав, ответила она.

– Вам мало того, что сама судьба являет вам свою волю? – добродушно спросил он.

– Мы не должны больше видеться, – прозвучало в ответ.

– Так и быть. Я полагаюсь на обстоятельства. Они не заставят себя долго ждать. А пока клянусь вам ничего не предпринимать, чтобы снова вас увидеть.

– И вы не будете пробовать узнать мое имя?

– Не буду. Клянусь вам.

Она протянула ему руку:

– Прощайте!

– До свидания, – ответил он.

Уже на пороге молодая женщина обернулась, похоже, засомневавшись. Бельваль все так же стоял у камина.

– Прощайте, – повторила она.

И он снова ответил:

– До свидания, матушка Корали.

В эту минуту между ними все было сказано. Он больше не пытался удержать ее.

Она ушла.

Только когда входная дверь захлопнулась, капитан Бельваль подошел к окну. Он увидел, как молодая женщина попала в тень деревьев, отчего силуэт ее сделался едва заметным. Сердце его сжалось.

Встретится ли он с ней еще когда-нибудь?

– Да, я встречу с ней! – воскликнул он. – Может быть, даже завтра. Разве боги не покровительствуют мне?

И, взяв свою трость, пошел к двери.

...Пужинав в соседнем ресторанчике, капитан Бельваль отправился в Нейи. Госпитальный дом для выздоравливающих – симпатичная вилла, расположенная в начале бульвара Майо, – окнами выходил в Булонский лес. Порядки в доме были достаточно свободные, так что капитан мог возвращаться вечером в любое время; местные обитатели легко получали разрешение смотрительницы.

– Муабон здесь? – спросил у нее капитан.

– Да, господин капитан, играет в карты со своей поклонницей.

– Он имеет право любить и быть любимым, – ответил он. – Нет ли для меня писем?

– Нет, господин капитан, только какой-то пакет.

– От кого?

– Его доставил посыльный, сказав лишь: «Для капитана Бельваля». Я отнесла его к вам в комнату.

Офицер поднялся на последний этаж, зашел в комнату, которую он выбрал себе сам, и сразу заметил на столе перевязанный бечевкой пакет.

Внутри оказалась коробка, где лежал ключ, большой и весь покрытый ржавчиной; судя по форме ключа, изготовили его очень и очень давно.

Что, черт возьми, это значило? На пакете не указали адреса, на него не наклеили почтовую марку. Предположив, что произошла какая-то ошибка, которая разъяснится сама собой, Патрис положил ключ в карман.

– Довольно загадок на сегодня, – произнес он, – пора спать.

Но когда капитан подошел к окну задвинуть шторы, то увидел, как вдалеке, над верхушками Булонского леса, забил фонтан искр и сверкающим дождем пролился в густой мрак ночи.

Он тотчас вспомнил разговор, подслушанный им в ресторане: те, кто намеревался похитить матушку Корали, упоминали водопад искр.

Глава третья

Ржавый ключ

В возрасте восьми лет Патриса Бельваля, жившего с отцом в Париже, отправили во французскую школу в Лондоне, откуда он вышел только спустя десять лет.

Первое время он каждую неделю получал известия об отце. Но однажды директор школы сообщил мальчику, что он осиротел и что расходы на его образование оплачены, а по достижении совершеннолетия он через английского поверенного получит сумму примерно в двести тысяч франков, составляющую отцовское наследство.

Двести тысяч франков никак не могли удовлетворить юнца, чьи вкусы оказались весьма дорогостоящими: отправленный в Алжир проходить военную службу, он, еще не получив денег, наделал долгов на двадцать тысяч франков.

Начав было проматывать наследство, он вовремя остановился и занялся поисками работы. Не имея специального образования, но обладая изобретательным умом и энергией, он приспособивался к любому делу, где требовались инициатива и решительность; полный идей, наделенный волей и умением исполнять желаемое, он внушал доверие, находил капиталы и заключал сделки.

Проекты, связанные с электричеством, покупки источников и водопадов, организация автомобильной службы в колониях, пароходные линии, разработка месторождений... за несколько лет он вдохнул жизнь в дюжину начинаний, и ему все удавалось.

Война стала для него захватывающим приключением. Он устремился на нее очертя голову. Сержант колониальных войск, в сражении на Марне³ он заработал нашивки лейтенанта. 15 сентября его ранили в голень; в тот же день была произведена ампутация. Через два месяца, в результате сплетения бог знает каких интриг, он, калека, сел как наблюдатель в самолет одного из лучших наших пилотов. 10 января вражеская шрапнель положила конец подвигам обоих героев. На этот раз капитана Бельваля, тяжело раненного в голову, доставили в госпиталь на Елисейских Полях. Примерно тогда же та, которую ему приходилось называть матушкой Корали, поступила в этот госпиталь сестрой милосердия.

Трепанация черепа, которую пришлось ему сделать, оказалась успешной, но потом начались осложнения. Однако, хотя его и мучили боли, Патрис никогда не жаловался, а, напротив, своим бодрым расположением духа поддерживал товарищей по несчастью, и все они питали к нему искреннюю привязанность. Он смешил их. Утешал и поднимал настроение своим остроумием и умением всегда находить что-то хорошее в самых скверных ситуациях. Никто из них никогда не забудет, какой прием он оказал фабриканту, явившемуся предложить ему механический протез нижней части голени.

– О! Механический протез! И что мне с ним делать, месье? Обманывать людей, скрывать от них, что у меня ампутирована нога? Следовательно, вы считаете ампутацию аномалией, считаете, что я, французский офицер, должен этого стыдиться?

– Нет, что вы, капитан. Однако...

– И сколько стоит ваша механика?

– Пятьсот франков.

– Пятьсот франков! И вы полагаете, что я могу выложить пятьсот франков за механический протез в то время, когда сто тысяч несчастных с такими же ампутированными конечностями, как у меня, вынуждены выставлять напоказ свои деревянные подпорки?

Те, кто присутствовал при этом разговоре, насмешливо улыбались. Даже матушка Корали с улыбкой слушала их диалог. А Патрис Бельваль был готов на все ради улыбки матушки Корали!

Как он уже сказал ей, он влюбился в нее еще в самые первые дни своего пребывания в госпитале, влюбился в ее трогательную красоту и природную грацию, в ее ласковый взгляд и чувствительную душу, в то, как она склонялась над ранеными, убежденными, что прикосновения ее рук несут исцеление. Ее голос возвращал его к жизни. Она очаровывала его своим взглядом и ароматом духов. Но чем больше он подпадал под власть этой любви, тем больше чувствовал огромную потребность посвятить себя любимой, отдать все силы на служение этому хрупкому и утонченному созданию, которому, как он был уверен, отовсюду грозили опасности.

И вот события оправдали его предчувствия: опасности стали обретать очертания, и ему выпало счастье вырвать молодую женщину из лап ее врагов. Исход первого сражения порадовал его, но он точно знал, что эта битва – не последняя. Нападения возобновятся. И разве он не вправе спросить себя, нет ли тесной связи между заговором против молодой женщины и загадочным сигналом в виде выпавшего дождя искр? Разве эти два события, обсуждаемые двумя таинственными собеседниками, не являлись частью одного и того же коварного плана?.. А искры тем временем продолжали сыпаться.

Насколько Патрис Бельваль мог судить, сверкающий фонтан забил где-то на берегу Сены, на участке между Трокадеро и вокзалом Пасси.

³ Имеется в виду сражение на реке Марне, состоявшееся 5–9 сентября 1914 г. и завершившееся, на том этапе войны, поражением немецкой армии.

– Значит, – сказал он себе, – это в двух или трех километрах, если по прямой. Надо пойти туда и взглянуть поближе.

Сквозь замочную скважину двери на третьем этаже просачивался слабый свет. За этой дверью жил Муабон, а от смотрительницы офицер знал, что Муабон собирался играть в карты со своей поклонницей. Он вошел. Муабон уже не играл – он заснул в кресле перед раскиданными на столе картами, а на его пустом рукаве, свисавшем с левого плеча, покоилась женская голова, выглядевшая на удивление вульгарно: приоткрытые губы, толстые, как у Муабона, позволяли увидеть ряд гнилых зубов, а жирная желтушная кожа, казалось, пропиталась маслом. Это была Анжель, кухонная прислуга, поклонница Муабона. Она оглушительно храпела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.